

В издательстве «Книга» увидел свет сборник «На все времена» (М.: Книга; сост. Е. Залесинский). В сборнике под девизом «СССР — братство народов» собраны высказывания видных советских писателей, представителей национальных литератур нашей страны о собратьях по перу и их творчестве. Среди авторов статей, очерков, воспоминаний — М. Бажан, А. Твардовский, П. Бровка, К. Симонов, Ч. Айтматов, Э. Межелайтис, Р. Гамзатов, И. Андроников и другие мастера слова.

Публикуем эссе Юрия Бондарева о творчестве Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного писателя Белоруссии Василя Быкова.

Василь БЫКОВ

нажды найденного — пожизненный, но не очень твердый кредит, до мелочи полученный у собственной первой книги, где автор до конца излил себя.

Довольно странно говорить о повторяемости Быкова, как заявлять, скажем, о повторяющейся верности любимой женщине, о неиссякаемости человеческого ума, добра, мужества, людских страстей, о верности самой истине. Для каждого писателя истина представляется увиденным своими глазами замочком, ключ же от нее лежит в ящике его письменного стола. Но ключ к познанию — правда, так же как правда — ключ познания. Нарушение правды ведет к анемичной вариации тусклого правдоподобия.

Есть ли схожесть у героев Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Стендаля, Бальзака? Ответ на этот вопрос не несет в себе даже малейшего оттенка сомнения. Да, есть бесконечно ищущий истину герой Толстого, мучающийся при соприкосновении с жизнью герой Достоевского, есть неповторимые самоотверженные женщины Тургенева, есть алчущий герой Бальзака; наконец, похож ли стэндалевский Жюльен Сорель на Люсьена Левена? И да, и нет.

Но все герои эти были созданы, выросли до гиперболических типов, почти философских символов, как правило, не из одного характера, а из нескольких, неизменно и одержимо пересекающихся в точке главной идеи писателя, ради которой он живет на земле и пишет книги. Поэтому что бы ни говорилось иными оппонентами о некоей схожести персонажей у того или другого писателя, — разговор этот отдает неразумным желанием навязать художнику нечто не соответствующее его умунастроению, императиву его нравственных законов.

Художник может оставить заметный след в литературе лишь при полной преданности осознанной истине. Василь Быков создает своего героя, всегда проверяя, испытывая его нравственную силу, его человеческую значимость в чрезвычайно сложном конфликте, подсаженным предельными ситуациями войны. И уже есть «быковский герой», «быковская ситуация», проявляющая ха-

актер персонажа с резкостью оптического фокуса, который ловит преодоление человеком, казалось бы, непреодолимого...

Писательская особенность Быкова еще и в том, что он далек от документального фотографирования войны — движение и композиция его вещей не подробный сколок с зафиксированных историей событий. Он выбирает историческое время, временной период, необходимый как непоколебимая достоверность, — и после того начинает вглядываться, познавать своего героя с пристальностью скрупулезного свидетеля.

В мастерстве Быкова заметна и другая черта: он не терпит прямолинейности. Характер его героя — это еще и подробность жеста. Разумеется, данное понятие не имеет прямого отношения к жесту внешнему, оно хоть и связано с ним, но неразрывно с внутренним импульсом плоти и духа. Вспомните последние обращенные к Сотникову слова Рыбака, осознающего свое предательство, весь ужас того, что делает: «Прости, брат!» — и последние слова Сотникова: «Пошел к черту!». Можно было бы возразить: предсмертные секунды обоих (Рыбак умер нравственно, Сотников физически) требовали других слов, более прямых, что ли, более страдабельных, более разительных, но Быков находит свои слова — и они незаменимы по своей внутренней объемности.

Жест быковских героев — это мысль, слово, состояние, психический настрой, полужаг и шаг героя, движение вперед, возвращение назад. Ибо в психологическом «да» всегда заложена частица «нет», а именно — преодоление сжатия и разжатия, подобно тому, как в одной пружине заложены противоположные силы. Ведь художественная истина выявляется из столкновения «да» и «нет», положенных на чашу весов, мера которых — сердце и разум.

От глубоко нравственных героев Быкова, я бы сказал, исходит непреходящая красота — внутреннее свечение человеческого характера. Сильный и мужественный талант писателя заставляет говорить о нем, как о значительном явлении в советской литературе.

Фото Н. КОЧНЕВА.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

Юрий БОНДАРЕВ

Литературное имя его не первый год широко известно, привычно, интонация знакома, и даже его тугой ритм и особая строгая лиричность вместе с мужественной жесткостью, казалось бы, уже не ошеломят и не удивят воображение свежим сквознячком раскрывающейся тайны.

Но при встрече с новыми повестями Василя Быкова испытываешь ощущение радостного и внезапного открытия, острого и всегда благодарного волнения, что бывает при соприкосновении с истинным талантом.

Почему же в конце концов книги Быкова вызывают такой интерес?

Прежде всего потому, что лучшие повести Быкова (и это одна из главных его особенностей) кажутся мне гармоничными — в них нет ничего лишнего, побочного, уводящего с перекрестка главной идеи на извилистые проселки ненужных подробностей, распыляющих мысль, раздергивающих характер вроде бы на четыре стороны света.

Порой мы весьма убедительно говорим о сложности того или иного человеческого типа, заранее предполагая эту сложность в заданной классической многозначности: ищи в добродетели зло, в зле — добродетель, в любви — нравственность или безнравственность, в столкновении полярностей — истину. Но, утверждая это, мы подчас все же забываем определить, что в человеке уживаются несколько характеров, нередко совершенно противоположных, исключая друг друга. Поэтому одна из мучительных трудностей художника — выбрать ту границу, будто совсем незаметную грань, то «чуть-чуть», которое удерживает персонаж от скольжения в неопределенность.

В лучших своих повестях Василь Быков обладает завидной способностью придерживаться четко очерченной границы, что рождает названную мною гармонию — не только характера, но всей композиции, всего сюжета вещи.

Вспомните соразмерную вылитость формы «Атаки с ходу» и вспомните не менее превосходную повесть «Сотников» — две эти вещи так вычеканены, так умело сдержанны, так строго лаконичны и так пронизаны мыслью, временем и действием, что не пропадает ощущение неповторимости, — из них ничего нельзя выбросить, ничего нельзя добавить.

И если бы мы вздумали решительно дописать, ска-

жем, подробную биографию командира роты Ананьева, Сотникова или Рыбака, описать давний их путь до первой страницы повествования, то мы разрушили бы все, что является сообразностью авторской формы и движением времени. Движение времени у Быкова — это сконцентрированное развитие характеров, нравственные изменения, которые могут произойти в течение часа или нескольких минут. Говоря точнее, писатель не широтой повествования, а глубиной острого зрения ищет истину в стремительной направленности, в резком изломе, в предельный момент человеческого взлета и человеческого падения.

Проза Быкова напоминает крепко сжатую стальную пружину — быстро распрямляясь, она несет такой заряд энергии, что кажется, вместе с его героями вы прожили жизнь, забыв о кратком времени знакомства с ними.

Манере Быкова ни в коей мере не присуща рационалистичность, а стало быть, арифметическая заданность, убивающая непосредственность поступков.

Герои его возникают перед нами, будто слепящим лучом выхваченные из жизни, накануне самого крайнего испытания. Писатель ведет нас до последней черты, где, вспыхнув ярчайшим светом нравственности, персонаж исчерпывает себя, оставляя впечатление и морального приобретения, и болезненной утраты. Мы вроде проходим огромный и краткий путь мужества и страдания и теряем человека, влюбившись в него. Но эта любовь, сообщенная талантом писателя, однако, не угасает в нашей душе — и, значит, герои Быкова не погибают бесследно.

Можно было бы процитировать много пронзительных страниц, показывающих его умение точно, остро и тонко поворачивать к нам героев с такой правдивостью, когда один взгляд, выражение глаз, полуулыбка, вскрик, одно шепотом сказанное слово отдаются в сознании ударом тока. Минута казни — и мальчик в толпе, увиденный Сотниковым; «натренированная нога футболиста» в «Третьей ракете» (какой неожиданный эпитет, без нажима передающий всю ненависть к трусу Задорожному, ударившему ногой главного героя с целью злобной самозащиты!); и чистая мальчишеская безотказность Пивоварова («Дожить до рассвета»); и вся история со щенком в повести «Атака с ходу» (как ошеломляюще подчеркивает гибель щенка бой за «про-

клятую» высоту!); бессилие оставшегося в одиночестве мальчика из «Круглянского моста»; неистовая одержимость Ивана из «Альпийской баллады». Или вот фраза: «Спустя еще четверть часа разрозненный автоматный треск прекратился, как-то нерешительно все вокруг смолкло». Здесь слово «нерешительно» стоит золота, ибо оно имеет тройное значение — восприятие смертельного боя за высоту на слух, неопределенность обстановки впереди и тревога героя, не участвующего в атаке.

Наугад я назвал отдельные детали из быковских повестей, не цитируя абзацы, желая лишь напомнить об одной из особенностей его таланта. С одинаковой силой он владеет красками разных оттенков, способных передать чувства своих персонажей в драматическом измерении — от любви до ненависти. Густота мазков в сочетании с легкими штрихами, жесткость нежности, останавливающий взгляд в упор и незащищенность перед этим крутым взглядом, последний и святой рывок мужества и последний уничтожающий человека крик о пощаде в состоянии отчаяния — все это говорит о насыщенном душевном опыте писателя, знающего, что такое война.

Я ни на минуту не сомневаюсь, что никогда не сможет передать всю прелесть любви художник любой силы, если ни разу не испытал этого чувства сам, так же как в равной степени не способен выжить и человека на войне, ни разу не побывав в зыбком положении «или — или», в том мгновении, когда в солдате распрямляется самая высокая человечность или сжимается в ледяной комок инстинкт самосохранения. Один в положении безвыходном, волей характера переступив порог преодоления, погибает, чтобы жить в памяти людей, другой же, оставшийся в живых, но подавленный страхом, погибает как человек, как духовная ценность, предав себя, свободу, добро своих детей, весь мир...

В одной из статей был высказан упрек Быкову в связи с его повестью «Дожить до рассвета», упрек весьма странный. Критик, заметив некую схожесть героев, опасается, предупреждает, останавливает автора перед угрозой повторяемости и похожести его вещей.

Однако в искусстве, если речь идет о серьезном таланте, страшна и губительна не «схожесть» героев с допуском плюс — минус, не «схожесть» ситуаций, не «схожесть» настроения, а беззащитная заёмность од-